

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ «ИСТИНЫ»

В центр внимания статьи поставлено понятие «истина» в его взаимосвязи с понятием «логика». Анализируются различные способы функционирования этого понятия в исследовательских контекстах, а также те формы смысловой нагрузки «истины», которые имплицитно определяют определенные лингвистические, онтологические и методологические обязательства этого понятия. Исследуются уже существующие и еще только возможные альтернативные подходы.

Ключевые слова: истина, контекст, противоречие, проблемно-ориентированный подход, онтологические и лингвистические обязательства.

Риторическое введение

Введение истины в логику как базового, теоретически «далее неопределимого» понятия способствовало огромному прогрессу в этой науке (заметим, что в логических исследованиях Аристотеля, равно как и у многих других исследователей, «истина» рассматривалась как понятие *производное* от более фундаментальных понятий, о чем мы коротко будем говорить ниже). Почему так произошло¹? Здесь две вещи. Во-первых, чисто технически «истина» как базовое неопределяемое понятие позволила интуитивно ясным и технически простым способом ввести, например, понятие *пропозициональной функции*. Простейшие истиннозначные функции оказались возможным представлять наглядно устроенными таблицами. Более сложные функции сооружались из простейших с помощью маленького числа интуитивно ясных правил, а итоговая совокупность всех таких функций представляла собой языковую систему, чьи выразительные возможности оказались чрезвычайно богатыми. Сложилось впечатление (в общем-то правильное), что на такого рода языках можно переписать чуть ли не всю

(существовавшую на тот момент) науку. Однако именно богатство выразительных возможностей тут же и стало источником сложнейших трудностей, которые сама логика в каком-то смысле себе и сотворила, встав на путь «истины». В рамках подобных языков (в их первоначальных версиях) оказалось возможно выразить чуть ли ни все известные парадоксы и обнаружить массу новых, связанных именно с понятием «истины» (к примеру, парадоксы импликации, всеведения и т. п.). Как ни парадоксально, именно в этом кроется вторая причина необычайной полезности истины для логики: «истина» стала главнейшим «поставщиком» для логики логических же проблем и генератором парадоксов, бегством от которых в огромной степени и определялось направление развития самой же логики. Иными словами, благодаря «истине» оказалось возможным создание эдакого само-подгоняющегося теоретического механизма, который стремительно развивается за счет постоянного воссоздания внутри себя одного и того же типа проблем (парадоксов, проблем с неразрешимостью, неполнотой и прочими типами ограничений, кажущихся нежелательными с точки зрения представлений об

¹ Начало этому процессу положил, по-видимому, Б. Больцано, а полная реализация идеи принадлежит Г. Фреге (см. об этом, например: [Целищев, 2003. С. 330]).

«истине» и соответствующих «истинных» способах представления знаний). Эта любопытная «диалектика» темной и светлой стороны понятия «истина» и привела к тому, чем логика является сегодня. «Истина» как неустранимое базовое понятие способствовала порождению монструозных ситуаций, и тут же сама предлагала заманчивые средства для спасения от монстров. В этой игре логика набирала мощь, разверзала новые и новые горизонты исследований, обретала изящность построений, порождала новых изошренных монстров, обещала еще более новые средства их ликвидации, разрастаясь до невероятно богатой разными системами и исчислениями науки.

При этом оказалось, что погоня за точностью выражения (за счет введения новых и новых смысловых различий) и строгостью рассуждения (за счет все более тонкого проведения различий между контекстами рассуждения) приводит одновременно и ровно к противоположному результату: к неограниченной релятивизации логического знания и возрастающей размытости его внутренних и внешних границ.

Все это вместе стало, на наш взгляд, свидетельством определенной *ограниченности* того горизонта, в котором логика как целое развивалась в XX в.² Опять-таки, как ни парадоксально, эта ограниченность оказалась *результатом погони за чрезмерной универсальностью*, которая приписывалась одному и только одному подходу в рамках логики. Между прочим, мы не утверждаем, что это «плохо»: во-первых, иначе развивать логику было, видимо, просто невозможно, а во-вторых, это «ограничение» было естественной платой за массу иных и весьма значительных дивидендов, полученных логикой на этом пути. Но как бы то ни было, вполне резонным думается предположить, что именно «истина» (как базовое, неопределяемое теоретическое понятие) предопределила ряд основных черт современной логики, которая могла бы развиваться и несколько иначе, если бы базовым понятием логики стала не истина, а какое-либо другое поня-

тие. Поэтому кажется бессмысленным попытаться *эксплицировать те методологические, метафизические, онтологические и лингвистические обязательства, которые тянет за собой понятие истины*, претендуя на роль одного из фундаментальных, логико-формирующих понятий. Этих вопросов мы коснемся в ряде следующих разделов.

Однако уже заранее напрашивается вопрос. Ну, хорошо, мы проанализируем то, каким образом истина (предположительно) ограничивает существо логических исследований. А что в принципе мог бы дать альтернативный способ формирования логики? Осмысленно ли вообще так ставить вопрос? Отразится ли это на том, что мы понимаем под словом «логика» или же, скорее, на *мета-логических* соображениях, позволяющих более корректно ставить вопросы, отличать подлинные проблемы от псевдо-проблем, более эффективно структурировать логическое знание, и т. п.? На наш взгляд, отчасти верно и то и другое. Чтобы разобраться с этими трудностями, было бы полезно вспомнить, какие вопросы исторически задавались относительно существа логики и какие чаяния вообще с ней связывались.

1. Линия, идущая от *Топики* Аристотеля до Лейбница, Максвелла, Гуссерля и др. В первую очередь хотелось бы отметить важность статистических и вероятностных аспектов логики, в связи с которыми связывался значительный прогресс этой науки (краткий и концентрированный обзор которых представлен, например, в работе [Огурцов, 2011], на которую мы будем тут частично опираться). Начиная с Аристотеля, введшего в логику понятие диалектического силлогизма, позволяющего работать с вероятным и правдоподобным мнением, теория аргументации и вообще все «гуманитарные» аспекты процесса рассуждения считались неотъемлемой частью собственно логики. Насущность этих исследований остро ощущалась всегда, начиная с Античности, и не теряла актуальности практически никогда. К примеру, А. П. Огурцов пишет, цитируя Лейбница: «<Лейбниц> обсуждает вероятность юридической аргументации, подчеркивая, что “вся юридическая процедура есть не что иное, как особая разновидность логики, отнесенной к вопросам права... Я уже не раз говорил, что нужен новый раздел логики, который занимался бы степенями веро-

² В итоге, если не сама логика, то по крайней мере ее социокультурный образ сложился таким образом, что логика стала восприниматься не как универсальная дисциплина, а как одна из бесчисленного количества наук, запросто перечисляемых через запятую: ботаника, алгебра, логика, палентология, и т. д. (см. об этом, к примеру: [Etchemendy, 1998]).

ятности, так как Аристотель в своей «Топике» ничего не дал по этому вопросу». Сама идея новой логики, выдвинутая Лейбницем, – логики вероятностного знания – отнесена им не только к юридической аргументации. Она гораздо шире и предполагает раскрытие «критериев для взвешивания шансов и для составления на основании их твердого суждения» (см.: [Огурцов, 2011. С. 80]). Заметим также, что в только что цитированной нами работе А. П. Огурцов даже в качестве эпиграфа вводит высказывание Максвелла: «Истинной логикой для мира является исчисление вероятностей», акцентируя читательское внимание на том, сколь значимой находили самые разнообразные мыслители идею той или иной версии «вероятностной логики», фундированной *не в идее «истины»*, а в альтернативных базовых понятиях. В частности, об этом прямо говорит Гуссерль: «сфера чистой закономерности, которая имеет отношение *не* к идее теории и, более общим образом, *к идее истины*, а к идее эмпирического единства объяснения или к идее вероятности, образует вторую великую основу логического технического учения и вместе с ним *принадлежит к области чистой логики в соответственно более широком смысле*» (курсив наш. – К. П.) (см.: [Огурцов, 2011. С. 82–83]). Анализ К. Михальского работ Гуссерля и Хайдеггера приводит к точно такой же констатации и в отношении иных феноменологических направлений мысли: «метафизическое понимание истины ставит тогда нас перед альтернативой: или *истина*, или *новое*» [Михальский, 2010. С. 394].

Для контраста с последними высказываниями, имеет смысл вспомнить тезис «раннего» Витгенштейна, весьма популярный и значимый для широкого круга логически образованной публики: «*в логике не может быть ничего неожиданного*». Заметим между прочим, что именно такое понимание логики, ставшее мейнстримным в XX в., с неизбежностью привело к возникновению таких парадоксов, как «парадокс всеведения», «парадокс Фитча» и пр.

2. К. Гёдель, идея «сингулярных точек» в логике. В работе *Расселовская математическая логика* К. Гёдель высказал одну интересную гипотезу относительно возможного устройства логики в ее соотношении с парадоксами. Он говорит: «Может даже

оказаться, что возможно предположить, что каждая концепция значима повсюду, кроме определенных “сингулярных точек”, или “предельных точек”, так что *парадоксы будут аналогичны чему-то вроде деления на ноль* (курсив наш. – К. П.). Такая система была бы более удовлетворительной в следующем отношении: наши логические интуиции оставались бы тогда правильными с точностью до определенных маленьких поправок, т. е. они могли бы тогда рассматриваться как дающие существенно правильную, но только кое в чем расплывчатую картину действительного состояния дел. К несчастью, эти попытки до сих пор не привели к успеху, с другой стороны, никто не доказал невозможности этой схемы, вопреки теоремам Клини и Россера о строгой противоречивости» [Гёдель, 2007. С. 258]. Несколькими страницами выше, К. Гёдель очень точно диагностирует возможные причины такого положения дел. Он напрямую связывает это с особенностями «метафизического» устройства понятия «истина»: «если мы допустим кажущуюся очевидной аксиому, согласно которой значение сложного выражения, содержащего конститuentы, сами имеющие значение, зависит от значения этих конститuent, то... это ведет почти неизбежно к заключению о том, что все истинные предложения имеют одно и то же значение (как, впрочем, и ложные). Фреге действительно вывел такое заключение, и он понимал его почти в метафизическом смысле, напоминая в чем-то доктрину “Единого” элеатов» [Там же. С. 240]. Иными словами, подобная идея истины превращает пространство всех истинных (в языке *L*) предложений в абсолютно равномерную структуру, напрочь лишенную каких-либо свойств асимметрии. Но эта равномерность и тотальная симметричность как раз и являются свойствами, совершенно не совместимыми с идеей сингулярности, о которой говорил Гёдель, поскольку сингулярность подразумевает возможности подрыва однородности или, так сказать, возможность «нарушения симметрии».

Ниже мы попытаемся пофантазировать на тему возможности создания асимметричного пространства высказываний (которая будет связана с понятием «противоречие», а не понятием «истина») и попробуем предложить такой подход, даже обозначение которого и связанная с ним асимметричность

могли бы напоминать «деление», аналогию которого использовал К. Гёдель в своих рассуждениях.

3. Линия Брауэра, Пуанкаре и др., противопоставляющая формальную логику процессам рассуждения и интуирования. Третий аспект «истины», порождающий ряд проблем для логики, связан с вопросом соотношения логики и мышления. Дело в том, что если мы исходим из предположения, что «истина» является *свойством языка* (например, свойством высказываний), то связь логики и мышления оказывается чем-то почти «понятийно неуловимым». Однако чисто формальный подход к логике обязывает именно к такому пониманию, в связи с чем А. Пуанкаре и утверждал, что 1) *формальная логика* связана с процессами действительного рассуждения весьма непредсказуемым образом, так как у нас нет никакой гарантии в правильности получаемого аргумента, откуда следует, что 2) процесс логического рассуждения обязательно должен включать в себя нечто вроде «апелляции к интуиции» [Пуанкаре, Кутюра, 2007], к содержательному созерцанию сущностей, или же апелляцию к «очевидности».

Но тогда возникает тревожный вопрос – если логические рассуждения на каждом шагу следует проверять некоей рационально непрозрачной инстанцией (например, интуицией, или созерцанием некоей «очевидности»), то как вообще тогда возможно говорить о строгости рассуждений? Не проваливается ли тогда все в самые дремучие формы психологизма, коль скоро решающей инстанцией оказывается не устойчивая, изобавленная от двусмысленностей знаковая форма, а бог весть как устроенные феномены человеческого сознания? Пуанкаре, следуя Канту, говорил о синтетических суждениях априори; но проясняет ли нам на самом деле хоть что-нибудь этот ход? По поводу этого вопроса, на наш взгляд, мы до сих пор располагаем наименее внятыми разъяснениями. И уж заведомо можно сказать, что концепция «истины» является наименее полезной для подобных разъяснений.

Итак, мы считаем, как минимум, три вышеперечисленных момента свидетельствуют о том, что «истина» в каком-то смысле порой мешает логике решать ее собственные проблемы, *навязывая* исследователям определенные лингвистические, методоло-

гические и метафизические ходы мысли. Стало быть, не плохо было бы разобраться с конкретными причинами такого положения дел, а также заняться поисками возможных альтернатив как на уровне «логики» так и на уровне «мета-логических» соображений.

Истина: регулятивный и конститутивный аспекты

Первым делом необходимо четко провести различие между двумя, возможно самыми фундаментальными, аспектами понятия «истина». Сформулируем суть этих аспектов в виде двух тезисов, первый из которых касается регулятивной значимости понятия «истина», а второй – ее конститутивных аспектов.

Тезис 1 (регулятивная значимость истины). Истина – в ее регулятивном значении – является неустранимым культурообразующим фактором для той части человечества, которая вслед за греками сочла необходимым поддерживать определенный уровень теоретической рефлексии по поводу любых проявлений своего образа жизни и мысли. В этом смысле истина является абсолютно неустранимым понятием, лежащим в условиях *возможности* научных, философских и теологических исканий, а также того беспокойства, тех терзаний, которые находятся в основании художественного творчества.

Но такая «истина» – это *не свойство языка* и не априорное указание на наличие некоего «подлинного» мира, а нечто совершенно иное: это 1) *особенность коммуникативного пространства* и 2) *особенность устройства конституирующих его агентов коммуникации* (!). Такое понимание является не столько теоретическим, сколько мета-теоретическим регулятивом, определяющим установки исследователей по отношению к самому себе и к научному сообществу (интеллектуальная честность, интеллектуальная ответственность, принципы коммуникации и т. п.). Иначе говоря, оно определяет всю совокупность мотивационной и интенциональной сферы агентов коммуникации, а также правила коммуникации в рамках соответствующих социумов. Этот аспект истины имеет не столько предписательный характер (он не говорит «как надо»), сколько характер установочный, ограничивающий как от произвола, так и от неуместного догматизма.

Тезис 2 (конститутивная роль истины). Конститутивная роль истины проявляется тогда, когда это понятие начинают наполнять каким-либо конкретным, предписательным содержанием. Более того, если содержательные аспекты истины начинают играть роль «образца правильности», или же роль «образца очевидности», то на этом пути возникает фактически новое понятие «истины», лишенное свойств исходной универсальности и нацеленное на то, чтобы структурировать все доступное на данный момент знание в соответствии с утвержденными образцами истинности. Совершенно ясно, что образцы правильности обязаны иметь так или иначе артикулированный характер, чтобы иметь возможность исполнять свою роль в теории или на практике. В теории, как правило, артикуляция имеет вербальный характер, а поэтому возникает соблазн считать «истину» свойством языка.

В дальнейшем, приложения с истиной могут происходить по двум направлениям. Либо истина объявляется «атомарным», элементарным понятием, определенным образом участвующим в сооружении сложных теоретических конструкций – по этому пути пошла значительная часть формальной логики. Либо же истина становится сложной функцией от массы обстоятельств, определяющих способ функционирования «истины» в данных условиях. В общем случае «истина» оказывается своего рода «неявно заданной, рекурсивной функцией», зависящей от того, *кто, когда, кому, при каких обстоятельствах и почему* что-то сказал, а также и от того, что считалось истиной на предшествующем шаге. Первый случай (линия Фреге) характеризуется изящностью и прозрачностью теоретических манипуляций с истиной, но несет явные потери в плане универсальности. Второй случай оказывается более универсальным, но технически «истина» превращается в громоздкую конструкцию, едва ли оправдывающую необходимость ее теоретического привлечения к исследованию ситуации.

Исторический экскурс: легитимация Аристотеля

Чтобы не быть голословными, отметим, что уже у Аристотеля истина считалась вторичным, контекстуально зависимым понятием. Как Аристотель однозначно констати-

рует в *Метафизике* (Met 4), самым фундаментальным понятием является понятие противоречия. Именно поэтому Аристотель многократно приводит примеры учений, теорий и рассуждений, которые, с одной стороны, находят *противоречащими* друг другу, но с другой – в одинаковой степени *ложными*. Уже одно это дополнительно подтверждает то, что дихотомия истина / ложь была для него менее изначальной, нежели понятие противоречия. О вторичности истины он прямо говорит в следующем фрагменте: «...в ответ на все подобные учения [одинаково ложные, но противоречащие друг другу] необходимо... требовать не признания того, что нечто есть или не есть, а чтобы *сказанное что-то означало* (σημαίνειν τι), т. к. в споре надлежит исходить из определения, *согласившись между собой относительно того, что означает ложное или истинное...*» (Met 1012b, 5–10). Во фрагменте Met 9, 1051b он также однозначно говорит, что понятия «истина» и, например, «бытие» могут иметь *разный смысл*, в зависимости от ситуации. Суммируя сказанное, можно утверждать, что истина и ложь, по Аристотелю, контингентны по отношению к более фундаментальной вещи: осмысленной речи, обладающей свойством связности, самонепротиворечивости (см. также: 1005b, 1007b, 1008a и др.). Современный анализ, как феноменологический, так и логико-аналитический, убедительно показывает верность аристотелевского направления мысли.

Истина versus непротиворечивость

Теперь, после некоторой предварительной подготовки, можно попытаться свести воедино все критические замечания по поводу «истины» и соответствующим образом устроенных языков, а также набросать альтернативную картину (см. таблицу).

Для краткости далее будем обозначать язык, базированный на понятии истины *FT*-языком (а соответствующий подход – *FT*-подходом; из-за оппозиции *False / Truth*); а альтернативные типы языков *NC*-языками (и соответствующие подходы – *NC*-подходами, из-за оппозиции *Non / Contradictive*, а также из-за совпадения с аббревиатурой *NonClassical*, используемой в отношении логики). Условимся также обозначать ла-

Наиболее общие металогиические характеристики FT-языков	Наиболее общие металогиические характеристики NC-языков
<p>Лингвистический атомизм. Понятие истины как в русском, так и во многих европейских языках функционирует так, что, как правило, приписывание «истины» оказывается осмысленным в отношении <i>изолированных предложений</i>, в то время как комплексные явления (целые тексты, книги, образы мысли, контексты, события и т. п.) «истинными» обычно не называются. Истинными иногда называют также отчетливо выраженные <i>единичные</i> поступки, вещи или явления (истинный друг, истинный смысл и т. п.). Поэтому не случайно понятие истины привносит с собой в логику необходимость разработки точного инструментария, позволяющего строго работать исключительно с совокупностями <i>изолированных пропозиций</i>, т. е. с определенного типа истинозначными функциями:</p> $FT = True: \{ p(i) \} \rightarrow \{ F, T \}$	<p>Контекстуальность. Понятие противоречия, наоборот, является фактически бессмысленным в отношении изолированных предложений и ситуаций. Это понятие имеет <i>сущностно контекстуальный</i> характер и смысл только в рамках микро- и макроконтэкстов. В простейшем случае микроконтекст можно определить просто как конечную совокупность высказываний, смысл и значимость каждого из которых напрямую зависит того, <i>как</i> именно и <i>с какими</i> именно прочими высказываниями оно в данном случае «соседствует», <i>в каком порядке</i> и т. п. Понятие противоречия имеет смысл исследовать, в первую очередь, на такого рода простейших микроконтекстах, привлекая для этой цели совершенно иначе определенную операцию присваивания значений:</p> $NC: \{ p(1), \dots, p(i)/p(i+1) \dots, p(k) \} \rightarrow \{ C, non-C \},$ <p>с помощью которой можно выявлять картину логических отношений (т. е. противоречивости / непротиворечивости) различных подструктур высказываний $\{ p(i+1), \dots, p(k) \}$ по отношению ко всей логико-языковой структуре $\{ p(1), \dots, p(k) \}$ в целом</p>
<p>Лингвистический платонизм. В том случае, если «истина» (как нечто «объективное», независящее от произвольных и случайных факторов) объявляется фундаментальным <i>свойством языка</i>, то это указывает на то, что язык считается способным показывать (не)истинность фактических положений дел, что в свою очередь оказывается возможным, только если считать неизменными (как минимум, некоторые) значения и интерпретации языковых символов. Тезис, что <i>истина есть базовое свойство языка, фактически эквивалентен наивно-платонистскому пониманию термина «значение»</i>. Отсюда немедленно вырастает масса (псевдо?) проблем, связанных с проблемами «тождества», «идентификации», «эпистемического доступа» к «вечным» смыслам и т. п. С другой стороны, возникает соблазн вообще <i>все</i> проблемы решать с помощью создания «заранее правильно устроенных», раз и навсегда готовых языковых систем, которые якобы только и способны породить настоящее знание, поскольку только так может улавливаться (проявляться) «истина»</p>	<p>Лингвистическое конструирование. Если отправной точкой в понимании языка оказывается не идея (квази-внемеренного) «значения», а <i>возможность осуществления (с помощью языка) анализа некой проблемной ситуации, в языке выраженной</i>, то фокус внимания оказывается перенесенным на динамические и конструктивные способности языка. Базовый язык <i>L</i>, в рамках которого формулируется некая конкретная проблема <i>Prob</i>, оказывается лишь исходным пунктом, отталкиваясь от которого происходит дальнейшее уточнение (конструирование) грамматики, семантики и способов употребления исходных компонентов <i>L</i>. Фактически каждая новая проблема заставляет пытаться максимально эффективным образом использовать конструктивные возможности исходного языка (в котором сформулирована проблема), с целью создания такого языка, в котором проблема получает максимально прозрачное и содержательное звучание, а ее решение оказывается максимально обоснованным и убедительным</p>
<p>Логико-семантический абсолютизм. В тех языковых системах, в которых «значение» его базовых компонент считается заданным на бесконечность вперед, становится совершенно оправданным считать, что любое высказывание <i>p</i> является <i>абсолютно независимым от того, какие прочие высказывания его в данный момент окружают</i>. Поэтому в таких системах можно запросто включать <i>p</i> в любые комбинации с любыми прочими высказываниями $q(1), \dots, q(n)$ без потери, так</p>	<p>Логическая «герменевтика». В данном случае каждое новое высказывание может обладать способностью, как минимум, <i>уточнять способ употребления символов, входящих в состав предыдущих высказываний</i>. Иначе говоря, цепочка высказываний (рассуждений) $p(1) \rightarrow \dots \rightarrow p(k)$ может трансформироваться в соответствующую ей цепочку $p'(1) \rightarrow \dots \rightarrow p'(k+1)$ благодаря введению в контекст нового высказывания $p'(k+1)$. Между прочим, формализация этого процесса</p>

Окончание табл.

Наиболее общие металогические характеристики FT-языков	Наиболее общие металогические характеристики NS-языков
<p>сказать, семантического контроля над его «значением». В любой формуле, в любой последовательности рассуждений утверждение p будет таким, каким оно было «всегда» в рамках данной языковой системы. Эта нечувствительность к контекстам порождает массу интуитивных и фактических несоответствий с реальными процессами логического рассуждения, динамические особенности которых практически не улавливаются «статичными» формами моделирования логического следования</p>	<p>вполне корректно осуществима на строго математическом языке так называемой «теории категорий», где объектами соответствующей категории являются цепочки рассуждений, а морфизмами – допустимые языком L трансформации семантики, синтаксиса и грамматики данного языка. Помимо этого, разумеется, computer science изобилует такого рода конструкциями. В рамках программирования можно моделировать процессы, по сути своей гораздо точнее отражающие процедуру «логического следования», нежели многие ее формалистические «репрезентанты»</p>
<p>Методологический универсализм. Языки, относительно которых «истина» считается их базовым свойством, тяготеют к необходимости их <i>универсального использования</i>. Это влияет на расстановку исследовательских акцентов на метатеоретическом уровне. К примеру, относительно некоего языка L можно поставить задачу – перевести на язык L и там обосновать <i>всю</i> математику. Многим исследователям XIX–XX вв. такая постановка вопроса казалась совершенно оправданной и единственно приемлемой. Однако скоро стало ясно, что за подобного рода универсалистскими интуициями стоит масса сомнительных метафизических предпосылок (например, трансценденталистских), скажем, заставляющих полагать, что источником постановки всех математических проблем служит некое единое, внутренне согласованное начало, вследствие чего и все математические рассуждения по поводу этих проблем можно униформизировать и превратить в законченную, согласованную систему в рамках языка L (типа теории квадратных уравнений). Ясно, тем не менее, что априори нет никаких оснований считать согласованными всевозможные способы постановки математических задач. Грубо говоря, разные варианты хорошей математики можно строить на основе совершенно несовместимых между собой задач</p>	<p>Проблемно-ориентированный подход. В противовес универсалистской позиции, явно и неявно предполагающей значительное число сомнительных априорных установок, альтернативный подход к логике, математике и науке в целом должен опираться на более гибкие и аккуратно сформулированные основания. В первую очередь требуют своего пересмотра воззрения на <i>природу функционирования теоретического языка</i> (не говоря уже о языке естественном). Если всерьез принять во внимание тот факт, что <i>процесс построения любой теории является одновременно и процессом, который можно использовать для построения контрпримеров</i> для данной теории, то станет ясно, что нет никаких оснований источник возникновения проблем (математических, логических и т. п.) априори считать неким «наличным механизмом», поставляющим человечеству заранее согласованные между собой проблемы. Но тогда в центр внимания необходимо поставить так называемый проблемно-ориентированный подход, чтобы на его концептуальной основе пересмотреть все базовые философские и метатеоретические исследовательские установки. Более ясное представление о том, как именно возникают содержательные проблемы, каковы (логические, топологические и пр.) формы соотношения между «старыми» и «новыми» проблемами, поможет прояснить многое и в отношении таких «вечных» вопросов, как «что такое математика» и «что такое логика»</p>

тинским символом C наличие противоречия, а $non-C$ – его отсутствие.

В только что приведенной сравнительной таблице мы апеллировали к отображению $NC(.../...) : LxLxLx \dots xL \rightarrow \{C, non-C\}$, определенному на конечных совокупностях (взаимосвязанных) высказываний и

играющему роль функции, присваивающей значение противоречиво / непротиворечиво на определенных подмножествах исследуемого микроконтекста. Ясно, что определение этого отображения требует более детального рассмотрения. Займемся этим вопросом во второй части нашей статьи.

Список литературы

Гёдель К. Расселовская математическая логика // Рассел Б. Введение в математическую философию. Новосибирск: Сиб. университетское изд-во, 2007.

Михальский К. Логика и время. М.: Территория будущего, 2010.

Огурцов А. П. Метафизика и вероятность // Философские акции. М.: Голос, 2011.

Пуанкаре А., Кутюра Л. Математика и логика. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

Целищев В. В. Нормативность дедуктивного дискурса. Новосибирск: Нонпарель, 2003.

Etchemendy J. Tarski on Truth and Logical Consequence // J. of Symbolic Logic. March, 1998. Vol. 53, No. 1. P. 51–79.

Материал поступил в редколлегию 07.02.2011

К. А. Pavlov

THEORETICAL FUNCTIONS OF THE TRUTH

The article focuses on the concept of «truth» as it is interrelated with the concept of «logic». The author looks into various ways of how this concept functions in research contexts and analyses certain linguistic, ontological and methodological commitments implied by various forms of truth meaning. Both existing and potential theoretical approaches are examined.

Keywords: truth, context, contradiction, problem-oriented approach, ontological and linguistic commitments.